

Изъ неизданныхъ записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина.

Принцъ Нассау-Зигенъ ¹⁾.

Принцъ Нассау-Зигенъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ авантюристовъ эпохи, предшествовавшей французской революціи, во время которой онъ продолжалъ играть ту же роль съ большимъ для себя успѣхомъ.

Незаконный сынъ челоѳка, который долженъ былъ публично признать себя отцомъ его, принцъ священной римской имперіи, какъ говорили въ то время, милостью парижскаго парламента и Императрицы Всероссійской, Нассау-Зигенъ впервые появился при Версальскомъ дворѣ, отличаясь прекрасной рыцарской наружностью, рѣдкой осторожностью въ интригахъ и замѣчательною молчаливостью. Это сначала придавало ему видъ скромнаго и разсудительнаго челоѳка и въ продолженіе долгаго времени скрывало его глубокое невѣжество. Я говорю „глубокое“, потому что онъ не умѣлъ ни писать, ни считать, не зналъ, гдѣ находятся мѣстности, въ которыхъ онъ самъ не былъ и почти не умѣлъ читать писанное.

Осада Гибралтара была началомъ военной его дѣятельности, но онъ при этомъ надѣлалъ массу ошибокъ, хотя за нимъ

¹⁾ Принцъ Нассау-Зигенъ, Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ (р. 1743, † 1808 г.), адмиралъ, приглашенный на русскую службу Императрицей Екатериной II, прославился своими дѣйствіями противъ турецкаго флота, какъ сподвижникъ Потемкина, при осадѣ Очакова. Вызванный въ Петербургъ для начальствованія гребнымъ флотомъ въ войнѣ Дании со шведами, принцъ Нассау-Зигенъ сначала имѣлъ успѣхъ въ борьбѣ со шведскимъ флотомъ, но вслѣдъ затѣмъ, по собственной неосторожности потерпѣлъ пораженіе при Свекзундѣ въ самомъ концѣ войны, закончившейся Верельскимъ миромъ. Послѣ этого Нассау-Зигенъ оставилъ Россію.

осталась репутація храбраго и мужественнаго человѣка. Со времени Американской войны онъ находился постоянно подъ ружейными выстрѣлами, а промежутки между ними были наполнены смѣлыми искательствами, результаты которыхъ были всегда для него выгодны — я говорю о наградахъ и пенсіяхъ. Поэтому онъ всегда пользовался положеніемъ очень богатаго человѣка, не владѣя ни пядью земли. Онъ былъ въ одно и то время генераль-лейтенантомъ во Франціи и Испаніи и вице-адмираломъ въ Россіи.

Вездѣ милость, которой онъ пользовался, и довѣріе, которое, казалось, ему оказывали, возбуждали къ нему зависть, но вездѣ его холодная осанка и благородный видъ мѣшали открыто нападать на него. Онъ получалъ большое жалованье и подарки, но проживалъ все и, держа домъ на широкую ногу, бывалъ часто наканунѣ полнаго банкротства. Я былъ очень друженъ съ нимъ, потому что это былъ настолько же честный, насколько и ограниченный человѣкъ; я позволю себѣ сказать, что я часто пользовался его услугами, такъ какъ онъ былъ очень отзывчивъ. Хотя онъ былъ несчастенъ въ своихъ предпріятіяхъ, тѣмъ не менѣе онъ пользовался въ Россіи почетнымъ и блестящимъ положеніемъ, потому что Екатерина II его поддерживала, вопреки мнѣнію всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Онъ былъ начальникомъ Черноморскаго и Балтійскаго флотовъ, велъ очень важные переговоры, получилъ голубую ленту и большой крестъ ордена Св. Георгія, но кончилъ такъ же плохо и въ Россіи, какъ въ другихъ странахъ. Послѣ отъѣзда изъ Россіи принцъ Нассау-Зигенъ поселился въ Венеціи во дворцѣ Logedan, названіе котораго соблазнило его больше, чѣмъ сама мѣстность. Онъ устроилъ здѣсь пѣчто въ родѣ убѣжища для эмигрантовъ, гдѣ каждый платилъ или служилъ, смотря по своимъ средствамъ. Я самъ пробылъ у него тамъ 2 мѣсяца, когда, возвращаясь изъ Неаполя въ Россію, я хотѣлъ выждать время, чтобы узнать причины своего отозванія.

Бѣдные принимались здѣсь безъ всякаго затрудненія и ничего не платили. Принцесса Нассауская отлично ихъ принимала; но пора поговорить о ней.

Она была полькой по фамиліи Готска ¹⁾, разведенная съ княземъ Сангушко, и какъ мнѣ кажется, еще съ однимъ; она была прекрасна и была въ восхищеніи, что имѣла возможность

¹⁾ Шарлотта Гоудзка по *біографіи Дидо*. — Гриммъ называетъ ее также Годска и очень хвалитъ ее, см. „Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.“ Т. XLIV, 157.

соединить свою судьбу съ судьбою короля авантюристовъ. Она была образована, благоразумна, сговорчива или дерзка, смотря по настроенію или обстоятельствамъ, но была большой лгуньей. По возвращеніи ея въ день Пасхи изъ церкви св. Марка, мы ради шутки спросили ея, о чемъ проповѣдывали въ церкви. „Объ астрономіи“. Можно себѣ представить наше удивленіе! — „Какъ, объ астрономіи? въ день Пасхи?“ — „Да, объ астрономіи“. И вотъ она импровизируетъ цѣлую прекрасную рѣчь. „Ужасно такъ лгать послѣ причастія, значительно сказалъ ей епископъ de Lombes¹⁾, но пужно предположить, что проповѣдь, сказанная вами, вѣроятно, лучше той, которую вы выслушали“. Но ея ничто не приводило въ смущеніе. Во время шведской войны, стоившей столькихъ слезъ Россіи, послѣ печальной битвы при Свекзундѣ, во время которой погибло 12 тысячъ человѣкъ, казна, знамена, всѣ галеры и я не знаю сколько фрегатовъ, когда мужъ ея велъ себя, какъ герой, она легкомысленно говорила: „Я не знаю, о чемъ кричать и шумять эти русскіе скоты, ...во всемъ этомъ я вижу только славу принца Нассаускаго“.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, она страстно хотѣла быть статсъ-дамой и сильно домогалась этого отличія. Екатерина, соблюдавшая приличія, находила, что эта милость, какъ бы она ни была высока въ Россіи, была ниже женщины, мужъ которой былъ членомъ владѣтельнаго дома; она пыталась дать ей понять это, но безуспѣшно. Желая быть любезной къ принцессѣ, Императрица искала средство удовлетворить ее, не нарушая обычаевъ, и рѣшила послать ей свой портретъ во весь ростъ—весьма рѣдкое отличіе—и драгоцѣнности, стоившія не менѣе тѣхъ брилліантовъ, которые окружали маленькій портретъ, носимый на груди статсъ-дамами. Но принцесса страшно разгнѣвалась, говоря, что съ ней обращаются, какъ со старымъ посломъ или съ женщиной, пріѣхавшей кланяться. Екатерина въ своемъ безграничномъ великодушіи и желая успокоить ее, на другой день во время парада, подошла къ принцессѣ и спросила ее: „Вы уже выбросили мой портретъ черезъ окно?— Нѣтъ еще“, былъ отвѣтъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела эта дерзость на дворъ, преклонившійся предъ Государыней. Я не знаю, посоветовали ли принцессѣ Нассауской или ей приказалъ ея мужъ, котораго она боялась, только черезъ нѣсколько дней она уѣхала въ Польшу.

¹⁾ Александръ-Генрихъ де *Шовиньи де Бло* род. 11 января 1751 г., посвященъ въ епископы Ломбеца (Геръ) 30 марта 1788 г.

Иногда у нея были довольно смѣшныя выходки. Она встрѣтилась въ Спа съ Густавомъ III. Король этотъ, зная, что женщины не могутъ его любить, сталъ высказывать ей необузданную страсть. Однажды, когда онъ бросился къ ея ногамъ, говоря, что умереть, если она не отдастся ему, она сказала: „Какъ, ваше величество, вы можете думать, что я васъ не люблю! Между тѣмъ вы имѣете самое убѣдительное доказательство — я васъ не люблю такъ, чтобы вамъ отдаться“.

Во время своего пребыванія въ Венеціи, принцъ Нассаускій, утомленный праздностью, захотѣлъ снова попытать счастья на службѣ въ Испаніи. Въ Барселонѣ его заставили долго ждать разрѣшенія отправиться въ Мадридъ, но когда онъ его получилъ, никто тамъ не хотѣлъ его принимать. Послѣ многихъ хлопотъ ему приказали быть въ манежѣ въ то время, когда извѣстный князь мира (Годой) будетъ кататься верхомъ. Онъ поспѣшилъ быть тамъ; фаворитъ его не замѣтилъ; королева холодно спросила его, видалъ ли онъ когда-нибудь болѣе прекраснаго кавалера. Несчастный принцъ клялся, что онъ никогда не могъ даже представить себѣ что-нибудь болѣе совершенное. Все-таки на другой день онъ получилъ приказаніе оставить Испанію.

Между тѣмъ, принцесса Нассауская только-что получила въ наслѣдство отъ своего брата Готскаго земли въ Польшѣ. Ея пылкое воображеніе подсказывало ей такіе способы употребленія состоянія, которые она сама лишь была способна осуществить. Нарушили контрактъ съ владѣльцемъ дворца Loge-dan, эмигранты разбрелись кто куда, остановились въ Вѣнѣ, чтобы развѣдать почву, но она показала имъ неблагодарной, и тогда отправилась въ помѣстья ихъ высочествъ. Первымъ дѣломъ принцессы въ этихъ помѣстьяхъ было отнять у крестьянъ земли которыми они пользовались и на нихъ насадить..., но я боюсь, что меня заподозрятъ въ подражаніи рассказамъ принцессы. Тѣмъ не менѣе, нужно упомянуть объ этомъ, такъ какъ это извѣстно: она употребила всѣ земли подъ посѣвъ лаванды, сѣмена которой съ большими издержками были выписаны изъ Франціи. Собирались захватить въ свои руки всю торговлю лавандовой водой на всемъ сѣверѣ и востокѣ. Балтійское и Черное море должны были покрыться судами, нагруженными благовонными товарами, и милліоны должны были стекаться со всѣхъ сторонъ...

Въ самый разгаръ этого прекраснаго дѣла принцесса внезапно умерла, а принцъ, поѣхавшій въ Парижъ узнать, не на-

значить ли его старый товарищъ по хитростямъ, Талейранъ, имперскимъ маршаломъ, вернулся обратно, успѣвши только быть свидѣтелемъ на свадьбѣ бывшаго Отенскаго епископа съ одной содержанкой ¹⁾).

Онъ сталъ понемногу сходить съ ума, и дѣло дошло до того, что этотъ столь важный человекъ, съ виду такой разсудительный, сохранившій рыцарскія манеры, умеръ въ старинномъ придворномъ женскомъ платьѣ, въ фижмахъ, въ лентахъ, спускавшихся съ его сѣдой головы, и съ шлейфомъ, поддерживаемымъ двумя пажамъ въ парадной ливреѣ. Отъ этого незаконнорожденного существа остались тоже только незаконнорожденные дѣти, изъ которыхъ одна вышла замужъ за *d'Арриона*, сдѣланнаго пэромъ въ то время, когда Деказь вздумалъ унизить во Франціи палату пэровъ. *Sic transit gloria mundi!*

И разскажу еще одинъ случай изъ жизни принца, потому что онъ мнѣ кажется замѣчательнымъ.

Принцъ Нассаускій, отправленный Императрицей къ графу д'Артуа, находившемуся въ Веронѣ, просилъ меня рекомендовать ему довѣреннаго секретаря. Я вспомнилъ объ одномъ молодомъ эльзасцѣ—первомъ приказчикѣ и любовникѣ одной французенки-интриганки, превратившейся послѣ многихъ приключеній въ продавщицу модъ и просившей меня пристроить его куда-нибудь.

Принцъ принялъ его безъ колебаній и нашелъ въ немъ много талантовъ; но ихъ отношенія сложились совсѣмъ не такъ, какъ у прочихъ людей. Обыкновенно, посолъ пишетъ черновую, которую затѣмъ переписываетъ секретарь начисто; здѣсь же посолъ диктовалъ, секретарь исправлялъ слова посла, и тогда уже принцъ съ трудомъ переписывалъ черновую, которую онъ часто не умѣлъ читать... Этотъ секретарь, вытасченный изъ-за прилавка, казавшійся мнѣ сперва только большимъ нѣмецкимъ мальчикомъ, сталъ господиномъ д'Анстетъ, ²⁾), полночнымъ министромъ Императора Александра въ самыхъ важныхъ случаяхъ, имѣвшимъ красную ленту, однимъ словомъ, особой, которую Бонапартъ ненавидѣлъ до смерти и объявилъ своимъ поданнымъ. Его порокъ — пьянство высказался однажды довольно странно.

¹⁾ Это было послѣ установленія во Франціи имперіи Наполеона.

²⁾ Анстетъ, Ив. Осип. д. т. с. † 1835 г. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1789 г. и въ этомъ же году былъ подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенскаго.

Присутствуя на церемоніи, во время которой лордъ Абердинъ принималъ Императора Александра—кавалера ордена Подвязки ¹⁾, и будучи пьянъ, онъ сталъ говорить громко во время богослужебной тишины: „Какой фарсъ!“. Императоръ, который бытъ можетъ раздвлялъ его мнѣніе, ограничился приказомъ, чтобы впредь не совѣщались о дѣлахъ съ его частнымъ секретаремъ д'Анстетомъ послѣ обѣда.

Тогда любили выскочекъ; настоящій баринъ затерялся между ними.

Сообщ. Е. С. Шумигорскій.

¹⁾ Это произошло во время поѣздки Императора Александра въ Англию въ 1815 году.